

изводства. Однако эти свойства он обычно переносит в культуру, а потерей души и духа, собственно живого начала может даже гордиться» (с. 23). Второй круг – «сумерки любви» – изменяет отношение к сексу, семье, женщине, клонированию. Однако в конце своих размышлений автор восклицает: «Какой тут диморфизм полов, если исчезает диморфизм живого и неживого!» (с. 52). Третий круг – информационная сеть и виртуализация бытия. «Частичный человек», «нулевое тело», «анти-тело», потеря (отказ от) центра и субъектности являются завоеваниями в борьбе знаков с реальностью, в которой победили знаки; «поверхность» одолела высоту и глубину; копия стала лучше оригинала и вообще его опередила. «Возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела...» (с. 71). Изначальное отсутствие у феномена информационной сети центра, её ризомный характер, онтологическая приоритетность знака и текста перед действительностью позволяют подозревать, что сеть и есть постмодернистская посткультура. «Сеть – это не система, не организация в точном смысле этих слов. А ситуативная конфигурация, детерриториализованный, хотя артикулированный хаос, потенция, ничто, т.е. абсолютная свобода. Абсолютная, но “беспредметная”» (с. 81).

Проходя эти круги, автор провозглашает свершившейся «великую, всеобъемлющую нигилистическую революцию» (с. 105). Этапами этой революции являются прочтение мира как текста, потеря означаемого при разрастании означающего (позже и его потеря), признание первичности и фундаментальности небытия. В книге пристальное внимание обращено на «лингвистический, семиотический поворот». Высказывая резкую критику предтеч деконструкции, автор книги натолкнул нас на предположение о том, что концепции Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, а затем Ж. Дерриды, М. Фуко не являются зарисовками культурной ситуации, а сами провоцируют инаковость бытия. Это несколько не противоречит постмодернистской философии, но, напротив, – подтверждает власть языка, всеохватность текста, симуляцию реальности.

В.А. Кутырев тщательно и с большим вниманием анализирует работы Ж. Дерриды, фактически снимая с французского философа обвинения в «лукавстве», «фальсификации», «авторстве нигитологии»: «...несмотря на отрицание Бытия, означающего и означаемого, этно-фалло-

фоно-логоцентризма, текстуалистский этап деконструкции не является движением к абсолютно ничто. Но к какому-то новому ничто» (с. 115).

Напротив, в потенциализме (например, в философии М.Н. Эпштейна) автор книги также усматривает фундаментальную угрозу нигитологии. «Иерархия не просто переворачивается, она исчезает – вместе с бытием, ибо максимумом возможностей обладает, как известно, ничто. Это предельное воплощение чистых возможностей, абсолютная потенция, и если исходить из неё, мир Есть “всё по имени ничто”» (с. 127). С нашей же точки зрения, буря и натиск нигилистической (нигитологической) революции в отношении человека, его вещно-событийного мира, телесного бытия и словесно-теоретического мышления как раз смягчены вырастающими в нигитологии потенциалистскими гранями.

Стиль изложения, выбранный В.А. Кутырёвым, может смутить читателя, потому что степень эмоциональности повышена, хлёстких эпитетов автор не жалеет, метафор-окказионализмов также много. С другой стороны, книга от этого становится ярким, живым, запоминающимся трактатом.

Когда рецензия была готова, пришла информация о выходе из печати новой книги В.А. Кутырёва «Бытие или Ничто» (М., 2010). Новость нас порадовала, название книги заинтриговало (хотя бы потому, что является парафразом трёх ключевых философских текстов XX в.: «Бытие и время» М. Хайдеггера, «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, «Иметь или быть?» Э. Фромма). Ждём книгу с желанием продолжить непростой разговор о перерастании онтологии постмодернистской культуры в нигитологию.

А.И. ШИПИЦИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Д.А. МИСЮРОВА «СИМВОЛЫ О
СИМВОЛАХ: НАЧАЛА КУЛЬТУРНО-
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»
(М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2009. 232 с.)

Вопросы символизации в пространстве политики, поиск ключевых объединяющих символов и идей в современном обществе,

проблематизируемые автором рецензируемой монографии, в настоящее время представляются весьма актуальными для социально-гуманитарного знания. Дмитрий Александрович Мисюров в своей книге раскрывает основные принципы и начала культурно-символической политики, которую он определяет как «процесс создания и материализации культурных символических моделей, включающих культивирование доверия и взаимопонимания, обучения и воспитания, исходя из приоритета критерия истинности, для максимальных мирных общественных достижений» (с. 203). Автор утверждает важную роль символических моделей в современном информационном мире, морфология которых нестабильна, гибка, подвижна.

Для снятия проблемных ситуаций, разрешения противоречий преобладающей на сегодняшний день, малоэффективной для общественного развития модели современного мира – *Realpolitik* (из-за распространяемой ею идеи конкурентного недоверия и взаимонепонимания) и служит культурно-символическая политика. В целом процесс символизации заслуживает научного внимания хотя бы потому, что он может сделать любое явление как чрезвычайно ценным, так и наоборот – обесценить его (особенно в информационную эпоху, когда власть рассматривается уже не как эксплуатация, контрольно-карательный орган, а как символическая коммуникация). Разделяя символы на абстрактные и материальные, автор утверждает, что первые, в том числе религиозные – «... это следствие определенного дефицита абстрактного мышления и кризиса идентичности в сегментированном мире. Обращение к более материальным символам – прежде всего поиск истины, а не только пользы, с определенными компромиссно-соревновательными принципами» (с. 8). Говоря же о природе и функциях символа, Д.А. Мисюров подчеркивает его постоянное семиотическое движение и его экспликацию в виде модели представительской политики. «С его помощью человек упорядочивает мир, моделирует его преобразование» (с. 5). Несмотря на то, что суть культурно-символической политики понимается как соответствие символического слова и дела, Д.А. Мисюров видит и другую функцию этого явления как приложения к современной политике, выступающего средством прикрытия не самых хороших её сторон. К сожалению, данный тезис только упоминается в монографии, но должного развития не получает. В качестве

примера культурно-символической политики, способствовавшей максимальным общественным достижениям, автор приводит первый полет человека в космос, поскольку его энергия, преобразовательная мощь создали новый мир.

Д.А. Мисюров обращает внимание на символическую природу культурно-символической политики. «Любой символ политичен, а любая политика символична, поскольку вынуждены выбирать из массы явлений ключевые центры, векторы, вокруг которых концентрируется материя» (с. 28). Символ в этом случае отождествляется с политикой, и главной задачей сегодняшнего дня называется стремление сделать ее (политику) более культурной, стремящейся к истине, что выглядит несколько наивно. Рассматривая символ как первооснову культурно-символической политики, автор кратко перечисляет его важнейшие качественные черты и функции: преобразовательная сущность символа, взаимовлияние символов друг на друга, хранение информации, наличие множества смыслов и значений, роль фактора общественного развития.

Во втором разделе книги «Культурно-символическая политика как культура политики» частично затрагивается вопрос регламентации властью создания, использования, уничтожения элементов культуры и искусства, в том числе и символов, формирующих мировоззрение. «Губернатор Санкт-Петербурга, естественно, может не только поддерживать или не поддерживать строительство нового символа – газпромовского небоскреба, или требовать изменения его форм, но и инициировать появление иных произведений архитектуры. Власть Северной столицы может не только признавать или не признавать символами города современных художников “митьков”, но и способствовать развитию множества новых творческих и социальных инициатив, которые сделают город мировым инновационным лидером в различных сферах» (с. 95). Такой волюнтаристский подход со стороны государства в отношении культуры не очень согласуется с авторским пониманием культурной политики, конечная цель которой – «... максимальное раскрытие выработанных в процессе всенародного общения ключевых символов, с материализацией в достижения» (с. 12). В этой связи возникает вопрос, насколько возможно самозарождение символа (обладающего воспитательной и обучающей потенциальностью), минуя идеологическое санкционирование, когда на выбор влияет сугубо компромиссный синтез

эмоций, ценностей, знаний, цивилизационных и культурных компонентов, создающий ассоциативный символический ряд?

В параграфе «Развитие культурно-символической политики» Д.А. Мисюров делает ряд интересных теоретически значимых выводов. Так как «Символ – преобразователь революционной и эволюционной энергии ...» (с. 149), предлагается посредством культурно-символической политики использовать негативную общественную энергию в мирных целях, что довольно оправданно и логично, но практических примеров, подтверждающих работоспособность этого механизма, его принцип действия, к сожалению, автор не приводит. Мучительные поиски национальной идеи в современной России, атмосфера культурной энтропии демонстрируют неумение создавать актуальные символические модели и регулировать их материализацию хотя бы на локальном уровне.

Книга включает в себя мнения российских и иностранных госслужащих о символах (которые приводятся впервые), причем это не констатация факта обретения символической модели этого (озвученного) смысла, а скорее лишь нацеленность на идеал и собственно исследовательский авторский текст, который выступает как комментарий к этим символическим высказываниям. Любопытно, что ответы российских и зарубежных дипломатов по некоторым вопросам отличаются. Исследователь, не касаясь основ семиотики, герменевтики, психологии, видит причину в различии российских и европейских символических моделей. Так, с 2000 г. в России осуществляется имперско-советско-президентская символическая модель, а в Европе модели характеризуются большим разнообразием.

На наш взгляд, в своей монографии Д.А. Мисюров излишне идеализирует культурно-символическую политику, обнаруживая значимость этого процесса исключительно в общественно полезных результатах. Рецензируемая книга представляет собой скорее исторический экскурс в область государственной эмблематики России (аксиологической составляющей геральдики), сочетаемый с более глубокими научно-исследовательскими изысканиями, характеризующимися прагматизмом (в широком понимании этого слова) культуры символической политики с полезным конечным результатом.

В.Н. ШИПУЛИН

(Волгоград)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ
СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ БОРЬБЫ
С РАСИЗМОМ» (г. Воронеж, 21 – 23
апреля 2010 г.)**

С 21-го по 23 апреля 2010 г. в Воронеже прошла Международная конференция «Ненасильственные стратегии и тактики борьбы с расизмом», инициированная Европейской Сетью UNITED for Intercultural Action и Международным молодежным правозащитным движением (МПД). Это научное и социальное мероприятие, прошедшее в Доме культуры г. Воронежа, стало местом встречи активной молодежи, представителей антирасистских организаций и инициативных групп, молодых учителей и журналистов – всех тех, кому важно было обсудить острые вопросы борьбы с расизмом и другие актуальные проблемы поликультурного и мультикультурного современного мира, поделиться опытом и успешными практиками, найти новых союзников и партнеров в борьбе с расизмом.

Программа конференции была весьма насыщенной, несмотря на сжатые сроки мероприятия. Участники на конференции съехались не только со всех уголков России (Воронежа, Белгорода, Самары, Санкт-Петербурга, Владимира, Волгограда, Грозного, Белореченска, Липецка, Орла, Новочеркаска, Харькова, Минска, Познани, Москвы) и Евросоюза, но и из стран Азии и Африки. И хотя в аудиториях работали представители европейского, азиатского и африканского континентов, совместной работе не помешали языковые и другие культурные барьеры, и в ходе конференции царил полное взаимопонимание. Сами того не замечая, участники во время общения переходили с одного языка на другой, обращались друг к другу за помощью, привлекая к разговору нового собеседника, что придавало обсуждению еще большую остроту и актуальность.

Работа проходила в демократичной и доброжелательной атмосфере. В первый же день пиджаки и галстуки были заменены на джинсы и свитеры. В конференции приняли участие примерно 45 человек, что сыграло немаловажную роль в установлении доверительного и открытого характера общения.